

Joanna Getka

Uniwersytet Warszawski (Polska)
University of Warsaw (Poland)

e-mail: j.getka@uw.edu.pl

<https://orcid.org/0000-0001-5857-7257>

Белорусский язык XVIII в. – исследовательские постулаты

Belarusian language of the 18th century – research postulates

Język białoruski XVIII w. – postulatory badawcze

Беларуская мова XVIII ст. – навуковыя пастулаты

Abstract

This article offers an analysis of religious texts published in the 18th century by a Basilian printing house in Supraśl (*Sobranije pripadkov korotkoje*, 1722, *Kratkoje sostowie nauki chrištijanskija*, 1759). Works of religious nature used to be omitted in the study of Belarusian language and literature of the 18th century due to political factors, as well as scholarly stereotypes belittling their significance. The texts analyzed, written in the Belarusian language known as „prosta mova”, constitute a proof of the vivacity of the latter, and contradict the theories about the disappearance of the Belarusian written language in the 18th century. The phonetic features of the Belarusian language described in the article and reflected in these texts serve as a pretext to put forward several research postulates. Namely: a) the need for a detailed linguistic analysis of religious texts printed in Cyrillic alphabet (albeit not in the Orthodox Slavic language, but rather in prosta mova/Ruthenian) and a search for other literary works in order to analyze the language of this period; b) the need for an analysis of printed texts which reflect a certain *usus* rather than the language of individual authors; c) a thorough linguistic analysis of texts to indicate their dialectal basis and to define the trends (if any) affecting the subsequent formation of Belarusian language standards in its literary variety.

Keywords: „prosta mova”, literary analysis, Belarusian language, Cyrillic alphabet, Cyrillic printings

Abstrakt

W artykule zaprezentowano druki religijne wydane w bazylińskiej drukarni w Supraślu w XVIII w. (*Sobranije pripadkov korotkoje*, 1722 oraz *Kratkoje soslowie nauki christijanskija*, 1759). W badaniach nad językiem i literaturą białoruską XVIII stulecia teksty o charakterze religijnym były pomijane ze względów politycznych, a także funkcjonujących w środowisku naukowym stereotypów umniejszających ich znaczenie. Analizowane teksty, napisane tzw. prostą mową, językiem Białorusinów, stanowią świadectwo żywotności języka i przeczą teoriom o zaniku języka białoruskiego w XVIII w. Opisane w artykule cechy fonetyczne języka białoruskiego, odzwierciedlone w badanych tekstach, stanowią pretekst do wysunięcia postulatów badawczych. Są to: a) konieczność szczegółowej analizy językowej tekstów o charakterze religijnym, drukowanych alfabetem cyrylickim (jednak nie w języku cerkiewnosłowiańskim, ale prostym/ruskim) oraz poszukiwanie innych utworów literackich do analizy języka tego okresu; b) konieczność analizy tekstów drukowanych jako odzwierciedlających pewien uzus, nie zaś język poszczególnych autorów; c) analiza językowa tekstów w celu wskazania ich podłoża dialektalnego oraz ukazania tendencji (jeśli były) mających wpływ na późniejsze formowanie się norm języka białoruskiego w odmianie literackiej.

Słowa kluczowe: „mowa prosta”, analiza literacka, literatura białoruska, alfabet cyrylicki, druki religijne

Анацыя

У артыкуле аналізуюцца рэлігійныя тэксты, надрукаваныя ў базыльнянскай друкарні ў Супраслі ў XVIII ст. (*Собраніе прыпадковъ краткое...*, 1722, *Краткое сословіе науки хрыціянскія...*, 1759). Рэлігійныя тэксты XVIII ст. ігнараваліся даследчыкамі беларускай мовы і літаратуры па палітычных прычынах, а таксама з прычыны існавання навуковых стэрэатыпаў, якія змяншалі іх значэнне. Тэксты, што разглядаюцца ў дадзеным артыкуле, надрукаваныя на „простай мове” – мове маўлення беларусаў, сведчаць пра жывы стан мовы і супярэчаць тэорыі пра заняпад беларускага пісьменства ў XVIII ст. Беларускія фанетычныя асаблівасці, адлюстраваныя ў тэкстах і разгледжаныя ў межах артыкула, з’яўляюцца аргументам вылучэння канкрэтных пастулатаў даследавання, а менавіта: а) неабходнасць падрабязнага аналізу рэлігійных тэкстаў, надрукаваных кірыліцай (не на царкоўнаславянскай мове, а на „простай” / „рускай” (старабеларускай) мове) і пошук іншых літаратурных твораў для даследавання мовы гэтага перыяду; б) неабходнасць аналізу друкаваных тэкстаў з пункту адлюстравання ў іх моўнага ўзусу (моўнай практыкі), а не з перспектывы разгляду мовы асобных аўтараў; в) дакладны лінгвістычны аналіз згаданых тэкстаў з мэтай выявіць дыялектную аснову мовы твораў, а таксама тэндэнцыі (калі такія былі), якія паўплывалі на пазнейшае фарміраванне нормаў беларускай літаратурнай мовы.

Ключавыя словы: „простая мова”, літаратурны аналіз, беларуская мова, кірылічны алфавіт, рэлігійная літаратура

Вводные замечания

Исходным пунктом для наших размышлений являются результаты исследования „русскоязычного” наследия василянских типографий. Анализ печатного репертуара василянских издателей с точки зрения предмета, языка, алфавита позволяет сделать вывод, что, обращаясь ежедневно к прихожанам, монахи хорошо их понимали и прекрасно адаптировались в условиях многонационального и многоязычного культурного пограничья восточных территорий бывшего польско-литовского государства. У василян не было жесткой издательской программы, по большому счету, она соответствовала местному спросу. Из-за более высокого уровня латинизации и полонизации земель, напр. издательских центров Вильнюса и Супрасли, преобладают латинографические тексты, тогда как в книгах из Почаева, Унева и Львова – кириллические (Getka, 2013, s. 247–250).

Поскольку предметом исследований является белорусский язык XVIII в., анализу подвергаются, прежде всего, публикации одного из вышеупомянутых василянских издательств – тексты из Супрасли. История супрасльской типографии и ее издательского наследия василянского периода была достаточно хорошо описана (Wawryk, 1979; Pidłupczak-Majerowicz, 1986; Cubrzyńska-Leonarczyk, 1993; Jaroszewicz-Pieresławcew, 2003; Krasny, 2003; Maroszek, 2000; Mironowicz, 1991; Getka, 2012; Getka, 2013). В упомянутых публикациях была представлена не только история типографии, но и решения ее очередных префектов, а также отдельные старые издания. Наследие супрасльской типографии к концу XVIII в. (1695–1800 гг.) по-разному оценивается ее исследователями. Исходной точкой для подсчетов являются исследования Марии Пидлупчак-Маерович. У этого автора нами заимствованы данные о количестве изданий на латинском и литовском языках, а частично и данные о материалах, напечатанных кириллицей (Pidłupczak-Majerowicz, 1986, s. 67, 77, 187, 219), которые были пополнены 5 текстами, найденными автором данной статьи. Расхождения в цифрах касаются, в первую очередь, польскоязычной печати. М. Пидлупчак-Маерович (Pidłupczak-Majerowicz, 1986, s. 67, 187) перечисляет 355 заголовков, проверенных Марией Цубжинской-Леонарчик (Cubrzyńska-Leonarczyk, 1993, s. 182), которая отмечает, что 114 листовок, названных М. Пидлупчак-Маерович василянскими, фактически были напечатаны в Гродно – в бывшей типографии Тизенгауза и Яна Ясинского (Cubrzyńska-Leonarczyk, 1993, s. 115). Предлагаемый подсчет дополнен 19 новыми находками (Getka, 2013, s. 247).

В результате, список супрасльских изданий выглядит, в общих чертах, следующим образом.

Таблица 1. Издательское наследие василианской супрасльской типографии в 1695–1800 гг.

Супрасльская типография (1695–1800)				
Итого изданий:			490	100%
В том числе:	латинографические тексты	на польском языке:	333	67,96%
		на латинском языке:	46	9,39%
		на литовском языке	1	0,20%
	кириллические тексты	на церковнославянском и „русском” языках	110	22,45%

Представленные в таблице данные показывают конкретную методологическую проблему, вытекающую из проверки наследия типографии. Библиологи и историки, изучающие историю типографий и их изданий, обычно не сосредотачиваются на языковых характеристиках кириллических текстов, давая лишь картину их содержания. Следует отметить, что все супрасльские кириллические тексты по своей жанровой принадлежности относятся к религиозной литературе. Более половины из них (60 текстов) – это книги, напечатанные по заказу старообрядцев. Остальные были напечатаны для униатской общины.

Часто считается априорным, что в целом религиозные тексты „на кириллице”: в основном, это апостолы, служебники (или чиновники), требники, гимны, тексты для религиозного использования монахами и др. – это издания на церковнославянском языке, поэтому научный интерес к детальному изучению лингвистической принадлежности этих памятников не достаточно популярный (Budźko, 2001; Budźko, 2003). Действительно, тексты на церковнославянском языке, несмотря на то, что являются важным источником для исследований белорусской культуры XVIII в., плохо отражают язык тогдашнего повседневного общения.

Одновременно, следует подчеркнуть, что множество научных работ содержит утверждение об отсутствии преемственности литературно-письменной традиции ВКЛ и Речи Посполитой и периодом нового времени (Žurauski, 1967; Žurauski, Kramko, 1972; Siwanowa, 2010). Оказывается, однако, что присутствие белорусского языка в XVIII в. можно аргументировать. Его фиксируем, например, в религиозных текстах дидактического характера (катехизисы, моральные богословия). Более того, фрагменты на тогдашнем „живом” языке (языке предков нынешних белорусов) можно найти также в текстах, напечатанных на церковнославянском языке. Белорусский язык называют в них „русским языком” или „простой мовой” и именно такие варианты наименования этого языка принимаются в данной статье.

Таких текстов, к сожалению, немного, кроме того, они плохо изучены по вышеуказанной причине, т.е. их принадлежность к религиозной литературе, которая, согласно убеждению, заставляет их язык классифицировать как церковнославянский. Найденные тексты на „русском языке” противоречат этим стереотипам, хотя – из-за их генезиса, источников и необходимости использовать

„жесткую, религиозную” терминологию – они не очень часто передают бытовую лексику. Независимо от представленных характеристик, данные тексты являются подтверждением существования и развития „простой мовы” в XVIII в. Причем, непрерывного развития, которое было, однако, замедлено из-за общего регресса белорусской культуры в этот период.

XVIII в. как этап развития белорусского языка

В общем – несколько философски – можно констатировать, что в природе не бывает полного исчезновения какого-то вида и поновного его появления, будто Феникс, который возрождается из пепла. Подобно природным законам язык развивается эволюционно. В зависимости от внутренних и внешних условий этот процесс может замедляться или, наоборот, ускоряться, но возможен он только в одном направлении, его нельзя провести в противоположном направлении путем тех же промежуточных состояний. Разумеется, новое качество может быть создано на обломках старого, но это не будет продолжением старой традиции.

Такая – по общему мнению – была судьба „русского языка” / „простой мовы” и – в более широком смысле – письменной культуры, базирующейся на этом языке. После многолетнего бурного расцвета в XVI веке она в XVIII в. исчезла, уступая место на рубеже XIX и XX вв. эпохе литературы на национальных языках (Moser, 2002, s. 259), которые возникли на совершенно другой основе (диалект) (Темцінас, 2017, s. 83). Согласно такому пониманию, современный белорусский литературный язык является чем-то совершенно новым, развившимся на почве народного языка, оторванным от старой литературно-письменной традиции.

В этом месте стоит привести существующие термины: старобелорусский и староукраинский язык. Очевидно, что это искусственные категории, современные, созданные для нужд систематизации (Mojsijenko, Nika, 2013). Тогдашние авторы не использовали этих понятий, а язык их текстов (при понимании диалектных различий) они называли „русским языком”, „русской мовой”, „простой мовой” и даже „простой русской мовой” (Karskij, 1962; Zaprudski, 2007; Zaprudski, 2013). Этот язык не был кодифицирован: писатели каждый раз создавали, в принципе, стандарт письма для конкретного текста на основании существующей традиции или по образцу текстов, ранее опубликованных в конкретном центре. Поэтому, между прочим, нельзя говорить о какой-либо диалектной основе „русского” / „простого” языка. Он дифференцирован в зависимости от происхождения и привычек автора, места публикации и т.д., что наглядно показывают тексты.

Только тщательное описание языка очередных текстов приближает нас к выяснению сути „простой” речи. Из-за упомянутого выше отсутствия единого стандарта, это единственный способ максимально целостно описать этот язык. Любая попытка обобщения знаний о нем на основании избранных (даже очень

важных) текстов не даст удовлетворительных результатов, характерные черты одних текстов не будут полностью подтверждены на материале других.

Таким образом, термин „старобелорусский язык” – это не что иное, как современное название языка литературной традиции, основанной на „простой мове” – („русском языке”), функционирующем в Великом Княжестве Литовском, для отличия от языка литературной традиции, сложившейся в этот период на украинских землях, которая так же известна как „староукраинская”. Определение „простая мова”, на мой взгляд, гомофоническое – на самом деле были две разные „простые мовы” (белорусская и украинская), которые имели свои особенности уже в текстах XIV века, что подтверждается исследователями, пытающимися указать разные маркеры, используемые для различия белорусских и украинских памятников письменности (Mojsijenko, 2006; Aniczenka, 1969; Getka, 2010).

Возвращаясь к старобелорусскому языку или „простой белорусской мове”, стоит напомнить следующее: обычно считается, что последним изданием на этом языке является *Собраніе прыпадкавъ краткое и дух[о]внымъ особамъ потребное имѣющее въ себѣ науку о сакраментяхъ, о десяти Б[ж]їихъ приказаняхъ о приказаняхъ церковныхъ...* которое вышло в Супрасле в 1722 г. (*Sobranije*, 1722). Данный тезис сформулирован знаменитым исследователем белорусского языка и культуры Аркадием Журавским в 1960-х годах (Žurauski, 1967; Žurauski, Kramko, 1972; Ciwanowa, 2010), и сегодня считается основной парадигмой в изучении белорусской культуры, литературы и языка. Однако, более подробный анализ василианских текстов на „русской мове” побуждает к пересмотру этого тезиса.

Прежде всего, *Собранія прыпадкавъ* нельзя рассматривать как однозначно белорусский текст. Среди лингвистических особенностей, отмеченных в тексте, можно найти (кроме типичных для религиозных текстов церковнославянизмов и характерных литературной традиции – полонизмов) достаточное количество украинизмов, что может свидетельствовать о попытке создания наддиалектного текста, понятного белорусско- и украинскоязычным верующим (Getka, 2018, s. 49–50).

Во-вторых, в той же письменной традиции написаны и другие – более поздние тексты из супрасльской типографии. В 1759 г. был напечатан и отредактирован окончательный фрагмент *Собранія прыпадкавъ* под названием *Краткое сословие науки христіянскія (Kratkoje soslowije*, 1759), а в 1788 г. следующий катехизис, двуязычный текст из двух частей, озаглавленный: *Общих и естественных понятий христіанского благочестия ч. I ко употреблению русским училищам – Naypospolitsze y naystotnieysze nauki chrześcijańsko-katolickiej religii do używania szkołom ruskim cz. I, Собраніе великого Катехізму безъ путнайї. Зъ доводящими словами писма святоаго. часть вторая – Krótkie zebranie Wilekiego Katechizmu. Bez pytań z Dowodzącymi Textami Pisma Świątego, część II. (Pouczenije*, 1788). Существование этих текстов дает основание для формулировки тезиса об эволюционном характере традиции „простой мовы”, а не о замене ее новой традицией.

Процесс формирования литературного белорусского языка в упрощенном виде представляет собой историю все более смелого проникновения элементов

живого языка в жесткий и изначально далекий от него письменный язык. Этот процесс был непрерывным, дифференцированным по интенсивности в разные периоды его развития и, наконец, только в начале XX века был санкционирован.

Иновации белорусского языка в супрасльских текстах XVIII в.

Языковые особенности белорусского языка достаточно часто выступают в текстах „золотого периода” его развития – XVI и XVII вв., позже трудно найти источники, в которых они отражаются с равной последовательностью, это доказывало бы системный характер „простой мовы”. Тем не менее, можно выдвинуть тезис, что этот пробел заполнен именно супрасльскими текстами. В них проявляются характерные черты белорусского языка:

- а) переход древнего „ять” в [e], которое представлено буквой e вместо ожидаемого ѣ, см. *покармъ телесный* (*Sobranije*, 1722, s. 21, 24v), но *пожадливость телесная* (*Sobranije*, 1722, s. 24v), *кони в потребе ковати* (*Sobranije*, 1722, s. 109),
- б) отвердение [p]: *вперыкъ или Коста* (*Sobranije*, 1722, s. 16), *прысланный* (*Sobranije*, 1722, s. 16v), *вѣрыти* (*Kratkoje soslowije*, 1759, s. 4, 5, 6 и т.д.), *даръ* (*Pouczenije*, 1788, s. 12v),
- в) отвердение [ц]: *лыскавѣцы* (*Sobranije*, 1722, s. 96), *творецъ* (*Kratkoje soslowije*, 1759, s. 8), *служебницы* (*Pouczenije*, 1788, s. 68v),
- г) отвердение [ш, ж, ч]: *нашы* (*Kratkoje soslowije*, 1759, s. 12), (*Pouczenije*, 1788, s. 10v), *шашъ* (*Pouczenije*, 1788, s. 12v),
- е) наличие аффрикат на месте этимологических [д'] и [г']. Такие записи, напр.: *пацеры мовити* (*Sobranije*, 1722, s. 127v), *слухати Ціотку* (*Sobranije*, 1722, s. 110), *слонце и мѣсяць зацмятъся* (*Sobranije*, 1722, s. 96), хотелось бы классифицировать как отражающие белорусское цеканье, однако, скорее всего, их надо интерпретировать как явление из области орфографии, т.е. как орфографические заимствования из польского языка. Практика орфографии польского языка могла быть в этом случае принята сознательно. Стоит отметить, что в следующей редакции этого текста, из Унева (*Sobranije*, 1732), вместо согласного -ц употребляется -т: *с[о]лнце и мѣсяць затмятъся* (*Sobranije*, 1732, s. 83). Аналогичным образом, хотя в памятниках могут быть найдены записи диграфа дз: *владза, дзвонят* (*Sobranije*, 1722, s. 52v), *святокрадтво* (*Sobranije*, 1722, s. 103v), эти формы трудно классифицировать как отражающие белорусское деканье. Несмотря на схожесть белорусских слов, они, вероятно – полонизмы, хотя запись данного типа была широко распространена в деловых текстах XVII–XVIII вв. (*Peredrijenko*, 1976, s. 16). Как попытку отразить черты белорусской фонетики, можно считать отражение мягкости согласных [г'] и [д']: *исповѣди потребоваць* (*Kratkoje soslowije*, 1759, s. 29), в других изданиях данного текста встречаются записи твердых согласных: *исповѣды потребоваць* (*Sobranije*, 1732, s. 31v). Стоит

также подчеркнуть, что факт неотражения в тексте белорусского деканья, даже если оно выступало в языковой среде автора, не было единичным случаем. В печатных памятниках белорусского языка деканье выступает весьма редко, что объясняется попыткой редакторов избежать передачи необычного сочетания букв, напоминающего польскую орфографию (Karskij, 1962, s. 257). Деканья не передает даже рукописный *Дневник Федора Евлашовского*, в котором, в основном, хорошо отражены явления живого языка (Swiażynski, 1974; Swiażynski, 1975).

- f) переход [e] > [o]: *змочоный* (*Sobranije*, 1722, s. 31), *оучинокъ* (*Kratkoje soslowije*, 1759, s. 19), *свѣдоцтва* (*Kratkoje soslowije*, 1759, s. 24), *нескончоная* (*Pouczenije*, 1788, s. 21v), *бичованый* (*Pouczenije*, 1788, s. 39v),
- g) наличие аффрикаты [дж], несмотря на отсутствие соответствующих графических средств, ср. *дрождзистое* (*Sobranije*, 1722, s. 19),
- h) наличие протезы [в]: *навукъ* (*Sobranije*, 1722, s. 28v).

Разумеется, эти тексты не отражают полностью живого языка из-за их жанровой принадлежности. Например, здесь преобладает церковная лексика независимо от происхождения: *искушеніе Бога* (*Sobranije*, 1722, s. 104v), *Субектумъ* (*Sobranije*, 1722, s. 4v), *Интенцыя* (*Sobranije*, 1722, s. 4v), *при седми Ереяхъ* (*Sobranije*, 1722, s. 16), *дванадесятый догматъ* (*Sobranije*, 1722, s. 91v), *на девяти свнодахъ* (*Sobranije*, 1722, s. 91v). Гораздо реже встречаются лексемы, которые связаны с повседневной жизнью: *шкло*, *желѣзо*, *цеглу*, *вапно палити* (*Sobranije*, 1722, s. 109), *збоже молоти въ млынахъ* (*Sobranije*, 1722, s. 109), *опати* (*Sobranije*, 1722, s. 109v), *сѣяти* (*Sobranije*, 1722, s. 109v), *жати* (*Sobranije*, 1722, s. 109v). Эти тексты свидетельствуют об использовании языка повседневного общения в печатных изданиях, в данном случае религиозного характера, подтверждая также широкие функциональные возможности белорусского языка XVIII в.

Наличие „простой мовы” / белорусского языка в супрасльских текстах XVIII в.

„Простая мова” появляется как в компактных моноязычных текстах, так и в „русскоязычных” фрагментах в изданиях, напечатанных на церковнославянском, латинографических языках или в многоязычных письменных памятниках. Тексты имеют различные функции: одни из них представляют собой пояснительные вставки, посвящения, фрагменты, произносимые участниками религиозных обрядов, другие – длинные предисловия – содержат, помимо объяснения мотивации и цели издания данного произведения, благодарность и советы. Они являются социолингвистическими доказательствами реального спроса на использование „русского языка”.

Более длинные фрагменты на „русском языке” появились в текстах литургического характера: в требниках, являющихся эквивалентами римских богослужебных книг (т.е. миссалов), в которых содержатся указания о порядке совершения таинств, освящений, благословений, а также молитв с соответствующими евангельскими перикопами (Znosko, 1983, s. 321–322; Lenczewski, 1981, s. 194–195). „Рускоязычные” фрагменты встречаются в форме диалога между священником и прихожанами – в брачных обетах, в формуле исповеди или таинства елеосвящения. Стоит отметить, что аналогичные отрывки на „русском языке”, связанные с таинством помазания елеем больного и последнего напутствия, были напечатаны в отдельных книгах (не требниках), например, в опубликованном не в Супрасли, а в Почаеве, тексте: *Чинь Іерейскаго наставленія в пути вѣчныхъ жизни болѣзнующихъ, с приложениемъ подробнаго по всѣмъ заповедемъ о грѣсѣхъ испытанія. Вкупѣ же образъ наставленія осужденныхъ на смерть оузниковъ, въ оудобнѣйшее употребленіе по желанію многихъ напечатанъ, по соизволенію настоящихъ, в святой чудотворной Лавре Почаевской, Чина Святаго В. В., Рочаіѳѳ 1776.*

Фрагменты на „русском языке” можем найти также в текстах для религиозного использования, например, в книгах на тему обряда приема новичка в монахи (*Posledowanije postrigu*, 1697, переиздание *Posledowanije postrigu*, 1750, *Posledowanije postrigu*, 1793). Тексты присяги дополнены отрывками, которые могут считаться художественной литературой, например, аллегорическое высказывание как вступления-предислания цитатам из Евангелия, или аллегорическое обращение Матери (т.е. монашеского ордена) к новичку (*Posledowanije postrigu*, 1793, s. 2–3; Getka, 2017, s. 109).

Включение фрагментов на „русском языке” в религиозные тексты свидетельствует о наличии „простой мовы” в униатской церкви, несмотря на то, что официальным ее языком был церковнославянский. Появление „простой мовы” в литургических книгах имело большое значение для повышения престижа этого языка.

Научные постулаты

Существование вышеприведенных супрасльских изданий свидетельствует не только о запросе верующих на печать на „простой мове”, но, прежде всего, заставляет нас пересмотреть тезис о „упадке” белорусской культуры (языка и литературы) в XVIII в. Похоже, что тезис об замедлении, регрессе белорусской культуры в этот период будет более адекватным. В XVIII в. „простая мова” по-прежнему была основным средством коммуникации необразованных слоев: „жила” в народе. Литературная традиция „простой мовы” не исчезла: несколько печатных изданий, появившихся на этом языке, свидетельствуют о том, что он был способен выполнять роль языка литературы.

Поэтому первым и основным постулатом является необходимость детального исследования белорусского языка XVIII в. Здесь речь идет о поиске и изучении печатных текстов, поскольку они – при отсутствии стандарта – могут рассматриваться как отражающие общие тенденции словестности (литературных памятников). Изучение рукописей будет иметь дополнительное значение как свидетельство языка конкретных авторов, речи человека.

Поскольку „простая мова” не была кодифицирована, нет возможности указать одну диалектную базу данного языка. Можем показать лишь тенденции его развития на основе конкретных текстов, язык которых варьируется в зависимости от региона или культурного центра. Наряду с нормализацией литературного языка и последующей орфографической реформой (1933 г.) как основа литературного языка был избран самый популярный в данный историко-культурный период диалект (северо-восточный белорусский диалект) – язык текстов этого периода. Однако это не противоречит традиции „простой речи”; возникновение узуса было только ее конкретизацией, сужением и конкретным доопределением.

В этом контексте появляется еще один постулат исследований: необходимо не только исследовать язык текстов XVIII в., но и подробнее описать этот язык с учетом региональных различий. Это имеет конкретную цель, которая заключается в том, чтобы показать, был ли сделанный в XX в. выбор среднебелорусских говоров результатом долговременной тенденции, подтвержденной, например, количеством изданий, или его вызвало появление выдающегося индивида на данной территории (как в случае с автором *Энеиды наоборот*).

В настоящей статье представлены элементы „простой мовы” XVIII в., зафиксированные в религиозных текстах. Из-за различных факторов: политических (во времена существования СССР) или научных (убеждение о бесполезности исследования текстов на религиозную тематику для познания истории белорусского языка), религиозные тексты очень редко учитывались при изучении языка и белорусской литературы XVIII в. Между тем, детальное их исследование показывает, что они являются важным источником для изучения истории языка этого периода. Более того, не следует обескураживаться наличием основного языка, используемого в этих текстах – церковнославянского. Для совершающего литургию фрагменты на „русском языке” часто содержали информацию о том, как „вести” беседы с верующими. Трудно найти более достоверное свидетельство „живого” языка. Данные размышления четко подтверждают необходимость углубленных исследований в области литературы, особенно междисциплинарных.

Bibliografia

Źródła

- Kratkoje soslówije. (1759). *Краткое сословіе науки христіанскія катофическому человеку многополезное и потребное...* Supraśl: Drukarnia OO. Bazylianów.
- Posledowanije postrigu. (1697). *Послѣдованіе постригу двою: В искус, си есть в малый иноческий образ, и в великий чина иже въ стѣх Оцѣ нѣего Васілія Великаго совершенный образъ, Еже есть къ обѣтомъ иноческим, нищетѣ, послушанію, чистотѣ самовольное оусердіе.* Supraśl: Drukarnia OO. Bazylianów.
- Posledowanije postrigu. (1750). *Послѣдованіе постригу двою: В искус, си есть в малый иноческий образ, и в великий чина иже въ стѣх Оцѣ нѣего Васілія Великаго совершенный образъ, Еже есть къ обѣтомъ иноческим, нищетѣ, послушанію, чистотѣ самовольное оусердіе.* Poczaјów: Drukarnia OO. Bazylianów.
- Posledowanije postrigu. (1793). *Послѣдованіе постригу двою: В искус, си есть в малый иноческий образ, и в великий чина иже въ стѣх Оцѣ нѣего Васілія Великаго совершенный образъ, Еже есть къ обѣтомъ иноческим, нищетѣ, послушанію, чистотѣ самовольное оусердіе...* Poczaјów: Drukarnia OO. Bazylianów.
- Pouczenije. (1788). *Обицх и естественныхъ поучений христіанского благочестія, ч. I. Ко употреблению русскимъ училищамъ – Науropolisze u naystotnieysze nauki chrześciјаnsko-katolickiej religii do iżywania szkołom ruskim, cz. I. Собраніе великаго Катехізму безъ питнаіи. Зъ доводящими словами писма святаго, ч. II. Krótkie zebranie Wielkiego Katechizmu. Bez pytań z Dowodzącymi Textami Pisma Świętego, cz. II.* Supraśl: Drukarnia OO. Bazylianów.
- Sobranije. (1722). *Собраніе прыпадковъ краткое и дух[o]внымъ особамъ потребное имѣющее въ себѣ науку о сакраментяхъ, о десати Б[ж]іихъ приказаняхъ о приказаняхъ церковныхъ...* Supraśl: Drukarnia OO. Bazylianów.
- Czin. (1776). *Чинъ Іерейскаго наставленія в пути вѣчныхъ жизни болѣзнующихъ, с приложениемъ подробнаго по всѣмъ заповедемъ о грѣсѣхъ испытанія. Вкупѣ же образъ наставленія осужденыхъ на смерть оузниковъ, въ оудобнѣйшее употребленіе по желанію многихъ напечатанъ, по соизволенію настоящихъ, в святой чудотворной Лавре Почаевской, Чина Святаго В. В.* Poczaјów: Drukarnia OO. Bazylianów.

Opracowania

- Aniczenka, Uładzimir. (1969). *Bielaruska-ukrainskija piśmowa-mounyja suwiazі.* Minsk: Nawuka i technika. [Анічэнка, Уладзімір. (1969). *Беларуска-украінскія пісьмова-моўныя сувязі.* Мінск: Навука і тэхніка].
- Bednarczuk, Leszek. (1993). *Stosunki etnolingwistyczne na obszarze Wielkiego Księstwa Litewskiego (zarys problematyki).* W: Jerzy Bartmiński, Michał Łesiów (red.). *Między wschodem a zachodem.* Cz. 4: *Zjawiska językowe na pograniczu polsko-ruskim* (s. 55–71). Lublin: Lubelskie Towarzystwo Naukowe.
- Budźko, Iryna. (2001). *Ab sistemnym charaktary rehijijnaj leksiki starabielaruskaj mowy. Bielaruskaja lінhwistyka, 51, s. 30–35.* [Будзько, Ірына. (2001). *Аб сістэмным характары рэлігійнай лексікі старабеларускай мовы. Беларуская лінгвістыка, 51, с. 30–35.*]

- Budźko, Iryna. (2003). Siemantyka-hramatycznaja charaktarystyka rehlijnych abstrem u mowie pomnikau bielaruskaj piśmiennosci XV–XVIII stst. *Bielaruskaja lindhwytyka*, 53, s. 39–45. [Будзько, Ірына. (2003). Семантыка-граматычная характарыстыка рэлігійных абстрэм у мове помнікаў беларускай пісьменнасці XV–XVIII стст. *Беларуская лінгвістыка*, 53, с. 39–45].
- Bułyka, Alaksandr. (1970). *Razwiccio arfahraficznej sistemy starabelaruskaj mowy*. Minsk: Nawuka i technika. [Булыка, Аляксандр. (1970). *Развіццё арфаграфічнай сістэмы старабеларускай мовы*. Мінск: Навука і тэхніка].
- Ciwanowa, Halina. (2010). Wyraszennie A. I. Żuraskim problemy pierajemnasci pamiz staroj i nowaj bielaruskaj litaraturnaj mowaj. U: Mikalaj Pryhodzicz (red.). *Bielaruskaje slowa: historyja i suchasnasc: zb. artyk. pa mater. nawuk. czytanniau, pryswiecz. pamiaci praf. A. I. Żuraskaha (Minsk, 27.10.2009)* (s. 23–27). Minsk: Prawa i ekanomika. [Ціванова, Галіна. (2010). *Вырашэнне А. І. Жураўскім праблемы пераемнасці паміж старою і новаю беларускаю літаратурнаю моваю*. У: Мікалай Прыгодзіч (рэд.). *Беларускае слова: гісторыя і сучаснасць: зб. артык. па матэр. навук. чытанн'яў, прысвеч. памяці прэф. А. І. Жураўскага (Мінск, 27.10.2009)* (с. 23–27). Мінск: Права і эканоміка].
- Ciwanowa, Halina. (2011). Da problemy wyswiatlennia dyjalektnej asnowy tworau bielaruskaha piśmienstwa XVIII st. U: Mikalaj Pryhodzicz (red.). *Bielaruskaje slowa: dyjalektnej i zapazyczanaje: zb. artyk. pa mater. nawuk. czytanniau, pryswiecz. pamiaci Je. S. Miacielskaj (Minsk, 26–27.04.2011)* (s. 94–98). Minsk: Prawa i ekanomika. [Ціванова, Галіна. (2011). *Да праблемы высвятлення дыялектнай асновы твораў беларускага пісьменства XVIII ст.* У: Мікалай Прыгодзіч (рэд.). *Беларускае слова: дыялектнае і запазычанае: зб. артык. па матэр. навук. чытанн'яў, прысвеч. памяці Е. С. Мяцельскай (Мінск, 26–27.04.2011)* (с. 94–98). Мінск: Права і эканоміка].
- Cubrzuńska-Leonarczyk, Maria. (1993). *Oficyna supraska 1695–1803. Dzieje i publikacje unickiej drukarni ojców bazylianów*. Warszawa: Biblioteka Narodowa.
- Getka, Joanna. (2010). Białoruski? Ukraiński? Uwagi o metodologii klasyfikacji źródeł powstałych na ziemiach białoruskich i ukraińskich w XIV–XVII ww. *Studia Interkulturowe Europy Środkowo-Wschodniej*, 4, s. 50–67.
- Getka, Joanna. (2012). *Język „Nauk Parafialnych” (1794) – ukraiński wariant prostej mowy końca XVIII w.* Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego.
- Getka, Joanna. (2013). *Polskojęzyczne druki bazylikańskie (XVIII wiek)*. Warszawa: Bel Studio.
- Getka, Joanna. (2017). *U progu modernizacji. Ruskojęzyczne drukarstwo bazylikańskie XVIII w.* Warszawa: Katedra Studiów Interkulturowych Europy Środkowo-Wschodniej.
- Getka, Joanna. (2018). Ruskojęzyczne wydania drukarni supraskiej o charakterze religijnym (XVIII wiek) – pominięty element w badaniach nad historią kultury białoruskiej. *Z Polskich Studiów Slawistycznych*, 13(1), s. 45–54.
- Gumieckaja, Łukija. (1965). Woprosy ukraïnsko-bielorusskich jazykowych swiaziej driwniego pierioda. *Woprosy jazykoznanija*, 2, s. 39–44. [Гумецкая, Лукія. (1965). Вопросы украинско-белорусских языковых связей древнего периода. *Вопросы языкознания*, 2, с. 39–44].
- Jaroszewicz-Pieresławcew, Zoja. (2003). *Druki cyrylickie z oficyn Wielkiego Księstwa Litewskiego w XVI–XVIII w.* Olsztyn: Wydawnictwa Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego.

- Karskij, Jewfimij. (1962). Czto takoje driewnijeje zapadnorusskoje narieczije. W: Jewfimij Karskij. *Trudy po bieloruskomu i drugim slawianskim jazykam* (s. 253–263). Moskwa: Izdatielstwo AN SSSR. [Карский, Евфимий. (1962). Что такое древнее западнорусское наречие. В: Евфимий Карский. *Труды по белорусскому и другим славянским языкам* (с. 253–263). Москва: Издательство АН СССР].
- Kraśny, Piotr. (2003). *Architektura cerkiewna na ziemiach ruskich Rzeczypospolitej 1596–1914*. Kraków: Universitas.
- Lenczewski, Mikołaj. (1981). *Liturgika, czyli nauka o nabożeństwach*. Warszawa: Chrześcijańska Akademia Teologiczna.
- Maroszek, Józef. (2000). *Pogranicze Litwy i Korony w planach króla Zygmunta Augusta: z historii dziejów realizacji myśli monarszej między Niemnem a Narwią*. Białystok: Wydawnictwo Uniwersytetu w Białymstoku.
- Miakiszew, Włodzimierz. (2008). *Język Statutu Litewskiego 1588 r.* Kraków: Universitas.
- Mironowicz, Antoni. (1991). *Podlaskie ośrodki i organizacje prawosławne w XVI i XVII w.* Białystok: Dział Wydawnictw Filii UW w Białymstoku.
- Mojsijenko, Wiktor, Nika, Oksana. (2013). „Prosta mowa” w Ukraini ta Białorusi XVI st. Kyjiw: NB UW. [Мойсієнко, Віктор, Ніка, Оксана. (2013). „Проста мова” в Україні та Білорусі XVI ст. Київ: НБУВ].
- Mojsijenko, Wyktor. (2006). *Piwniczne narieczcia ukrajinskoji mowy w XVI–XVII st. Fonetyka. Awtorieferat dys. [...] doktora filoloh. nauk*. Kyjiw: Instytut ukrajinskoji mowy NAN Ukrainy. [Мойсієнко, Віктор. (2006). Північне нареччя української мови в XVI–XVII ст. Фонетика. Автореферат дис. [...] доктора філолог. наук. Київ: Інститут української мови НАН України]. Режим доступа: https://www.academia.edu/4458130/Північне_нареччя_української_мови_в_XVI-XVII_ст._Фонетика (доступ: 24.04.2018).
- Moser, Michael. (2002). Czto takoje prostaja mowa? *Studia Slavica Hung*, 47(3–4), s. 221–260. [Мозер, Михаель. (2002). Что такое простая мова? *Studia Slavica Hung*, 47(3–4), с. 221–260].
- Peredrijenko, Witalij. (1976). *Diłowa i narodno-rozmowna mowa XVIII st.* Kyjiw: Naukowa dumka. [Передрієнко, Віталій. (1976). Ділова і народно-розмовна мова XVIII ст. Київ: Наукова думка].
- Pidłupczak-Majerowicz, Maria. (1986). *Bazylianie w Koronie i na Litwie: szkoły i książki w działalności zakonu*. Wrocław: Uniwersytet Wrocławski.
- Smułkowa, Elżbieta. (2002). *Białoruś i pogranicza. Studia o języku i społeczeństwie*. Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego.
- Swiażynski, Uładzimir. (1974). Hrafika-arfhraficznyja i fanietycznyja asabliwasci „Dziennika” F. Jeulaszouskaha. *Wiesci AN BSSR*, 4, s. 106–112. [Свяжынскі, Уладзімір. (1974). Графіка-арфаграфічныя і фанетычныя асаблівасці „Дзенніка” Ф. Еўлашоўскага. *Весці АН БССР*, 4, с. 106–112].
- Swiażynski, Uładzimir. (1975). Polska-bielaruskaja fanietycznaja interfierencyja u „Dzienniku” F. Jeulaszouskaha. *Wiesci AN BSSR*, 4, s. 131–137 [Свяжынскі, Уладзімір. (1975). Польска-беларуская фанетычная інтэрферэнцыя ў „Дзенніку” Ф. Еўлашоўскага. *Весці АН БССР*, 4, с. 131–137].

- Szakun, Leu. (1966). *Historyja bielaruskaj litaraturnaj mowy*. Minsk: Nawuka i technika. [Ша-кун, Леў. (1966). *Гісторыя беларускай літаратурнай мовы*. Мінск: Навука і тэхніка].
- Temčinas, Sergejus. (2017). *Języki kultury ruskiej w Pierwszej Rzeczypospolitej*. W: Marzanna Kuczyńska (red.). *Kultura Pierwszej Rzeczypospolitej w dialogu z Europą. Hermeneutyka wartości*. T. IX. *Między Wschodem i Zachodem. Prawosławie i unia* (s. 81–120). Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego.
- Wawryk, Mychajło. (1979). *Narys rozwytku i stanu wasyljianskoho czyna XVII–XX st.: topohrafično-statystyčna rozwidka*. Ryń: Basiliany. [Ваврык, Михайло. (1979). *Нарыс раз-выттку і стану Васіліянскага чына XVII–XX ст.: топографічна-статыстычна развід-ка*. Рым: Basiliany].
- Zaprudski, Siarhiey. (2007). Nazwy bielaruskaj mowy u pracach dasledczykau XIX stahoddzia. Pracy 1800–1810-ch hadou. U: Siarhiey Zaprudski, Alaksandr Fiaduta, Zachar Szybieka (red.). *Bielaruś i bielarusy u prastory i czasie. Zbornik da 75-hoddzia prafilesara Adama Maldzisa* (s. 252–268). Minsk: Hramadskaje abjadnannie „Miżnarodnaja asacyjacyja bielarusistau”. Polski instytut u Minsku. [Запрудскі, Сяргей. (2007). Назвы беларускай мовы ў працах даследчыкаў XIX стагоддзя. Працы 1800–1810-х гадоў. У: Сяргей Запрудскі, Аляксандр Фядута, Захар Шыбека (рэд.). *Беларусь і беларусы ў прасторы і часе. Зборнік да 75-годдзя прафесара Адама Мальдзіса* (с. 252–268). Мінск: Грамадскае аб’яднанне „Міжнародная асацыяцыя беларусістаў”. Польскі інстытут у Мінску].
- Zaprudski, Siarhiey. (2013). Nazwy bielaruskaj mowy u pracach dasledczykau paczatkau XIX st. U: Mikalaj Pryhodzicz (red.). *Bielaruskaja mowa i mowaznaustwa: XIX stahoddzie* (s. 81–111). Minsk: Wydawiectwa BDU. [Запрудскі, Сяргей. (2013). Назвы беларускай мовы ў працах даследчыкаў пачатку XIX ст. У: Мікалай Прыгодзіч (рэд.). *Беларуская мова і мовазнаўства: XIX стагоддзе* (с. 81–111). Мінск: Выдавецтва БДУ].
- Znosko, Aleksy. (1983). *Mały słownik wyrazów starocerkiewnosłowiańskich i terminologii cerkiewno-teologicznej*. Warszawa: Chrześcijańska Akademia Teologiczna.
- Žurauski, Arkadź. (1967). *Historyja bielaruskaj litaraturnaj mowy*. T. 1. Minsk: Nawuka i technika. [Жураўскі, Аркадзь. (1967). *Гісторыя беларускай літаратурнай мовы*. Т. 1. Мінск: Навука і тэхніка].
- Žurauski, Arkadź, Kramko, Iwan. (1972). Ważniejszyja adroznienni pamiz nowaj i staroj bielaruskaj litaraturnaj mowaj. U: Michaił Sudnik (red.). *Bielaruskaje i slawianskaje mowaznaustwa: da 75-hoddzia akademika Kandrata Kandratawicza Krapiwu* (s. 132–147). Minsk: Nawuka i technika. [Жураўскі, Аркадзь, Крамко, Іван. (1972). Важнейшыя адрозненні паміж новай і старой беларускай літаратурнай мовай. У: Міхаіл Суднік (рэд.). *Беларускае і славянскае мовазнаўства: да 75-годдзя акадэміка Кандрата Кандратавіча Крапівы* (с. 132–147). Мінск: Навука і тэхніка].

Data nadesłania artykułu: 11.05.2018